

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Москаленской Дарьи Николаевны
«Православные священно- и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири
в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение», представленную
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

В развитии репрессивной политики постреволюционного советского государства выделяется несколько взаимосвязанных периодов (1917–1922, 1922–1929, 1929–1939 гг. и др.), характеризующихся разной степенью жестокости применения концепции революционной законности. Один из таких периодов – 1922–1929 гг., когда революционное правосознание сменилось определенным нормативным актом, и принцип революционной законности стал сочетаться с принципом революционной целесообразности. Вторым период – 1929–1930-е гг. – стал временем, когда массовые репрессии стали «визитной карточкой» сталинизма и прагматично использовались в интересах построения нового общества.

Исследовательский интерес Д.Н. Москаленской «соединил» фактически два периода (1922–1929 и 1929–1930-е гг.) формирования и правоприменения концепции революционной законности вниманием к такому объекту, как феномен «лишенчества», который долгое время находился на периферии отечественной и зарубежной историографии. Приоритетными проблемами историографии со времен архивной революции были «Большой террор», «раскулачивание-спецпереселение», депортации народов в годы войны. Лишь эпизодическое обращение к теме лишения избирательных прав в 1990-х гг. сменилось целым «поток» специальных исследований в 2000-х гг., защищен целый ряд диссертаций на материалах разных регионов России. К историкам подключились правоведы. Однако по настоящее время нет комплексного исследования по категории православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев».

Введение диссертации содержит необходимые нормативные структурные элементы, все они представлены последовательно и убедительно. Общественно-политическая актуализация проблемы связывается с современной ситуацией развития гражданского общества в России; обоснование научной актуальности заключается в особом внимании к избранной категории «лишенцев», заслуживающей именно комплексного анализа.

Логичным представляется деление историографии темы на работы по истории Русской православной церкви и исследования по проблематике лишения избирательных прав. Анализ историографии именно по этим двум линиям позволил объемно представить содержание анализируемого вопроса. С одной стороны, изучение истории РПЦ характеризуется малым

вниманием к социальному положению священнослужителей. С другой стороны, несмотря на то, что история лишения избирательных прав в СССР является сегодня «активно развивающейся предметной областью» (С. 19), «проблемы лишения и восстановления в правах» православного духовенства «требуют дальнейшей специальной разработки» (Там же).

Структура работы коррелирует с определением объекта и предмета исследования, подчинена реализации заявленной цели, она представляется вполне логичной и способствует решению поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Для решения поставленных задач автор использовал достаточно репрезентативную источниковую базу, основанную на письменных источниках четырех видов. Дан развернутый анализ корпуса первоисточников с применением источниковедческих методов внешней и внутренней критики. В источниковедческом разделе обосновывается применение современных количественных и формализованных методов исследования.

В качестве методологического инструментария Д.Н. Москаленская использовала принцип историзма, системный подход, концепции социальной истории, «социальной инженерии» истории повседневности, исторической антропологии, биографической истории и микроистории.

Последовательно обосновывается применение современных междисциплинарных и специально-исторических научных методов для решения поставленных задач. На профессиональном уровне применяются методы исторической информатики (баз и банков данных), контент-анализа, дискурсивного анализа.

Важное место в методологическом разделе занимает обоснование понятийного аппарата исследования. Несомненно, интересной представляется аргументация в пользу термина «дискриминация» (вместо «репрессия») применительно к практике лишения избирательных прав.

Представление о научной новизне диссертации складывается из логики ее обоснования автором и контекста всей диссертации. Работа действительно является комплексным исследованием, не имеющим прямых аналогов в современной историографии. Особое внимание к основным демографическим и социально-культурным характеристикам группы священно- и церковнослужителей-«лишенцев», процессу их адаптации и социальной мобильности в постреволюционном обществе делает ее оригинальным творческим исследованием.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемая диссертация подготовлена в рамках научной школы «маргиналоведов», сложившейся в Новосибирске под руководством доктора исторических наук, профессора С.А. Красильникова. К ней можно отнести таких исследователей, как Д.Д. Миненков, М.С. Саламатова, В.В. Сарнова, В.И. Пинкин, С.В. Шейхетов, С.Н. Ушакова, А.А. Шадт.

Бывшая аспирантка С.А. Красильникова, М.С. Саламатова, уже рассматривала советское законодательство в отношении «лишенцев», применение его на практике к «лишенцам» Западной Сибири, проводила анализ численности, состава и структуры этой категории «дискриминируемых» на материалах Новосибирска и нескольких районов области. Как мы видим, в диссертационной работе Д.Н. Москаленской сделан новый шаг в изучении темы лишения избирательных прав и социальных последствий этой практики.

Положения, вынесенные на защиту, подтверждают сформулированные цель и задачи работы, ее научную новизну.

Выводы заключения конкретизируют положения, вынесенные на защиту, и представляют их в развернутом виде. Более того, есть и дополнения по некоторым позициям. Например, применение сравнительного метода помогло установить отсутствие региональной специфики в применении дискриминационных мер, следовавших за лишением избирательных прав.

По наблюдениям автора, процент восстановленных в избирательных правах в регионе Западной Сибири оказался выше, чем в Мордовии, и ниже, чем на Урале.

Сделан важный вывод о сохранении, несмотря на гонения, корпоративной группы священнослужителей, не снявших сана, в дальнейшем ставшей основой для возрождения русской православной церкви.

Анализ влияния различной аргументации в борьбе за восстановление избирательных прав показал, что наиболее важными факторами положительного решения были два главных формальных условия – наличие пятилетнего рабочего стажа и лояльность к советской власти.

Достоверность полученных результатов подтверждается фундированностью источниковой базы, профессиональным владением и использованием современных междисциплинарных методов анализа первоисточников.

Приведены и проанализированы содержательные выборки: по возрастной структуре священников и лишенцев, гендерная, по месту рождения, национальному составу, должности, сословному происхождению, уровню образования, составу семьи, материальному положению, принадлежности к церковному течению. Проведен сравнительный анализ с другими регионами (Мордовия, Урал, Москва).

Проанализировано множество адаптивных практик («адаптация-защита», «адаптация-уход», «адаптация-реверсия», «адаптация-развитие») с применением объективной методики исследования социальной адаптации. Прослежена динамика оставления службы священнослужителями, приведена статистика обращения священно- и церковнослужителей в избирательные комиссии, динамика восстановления в правах.

Практическая значимость работы связана с вкладом в развитие современных исследований истории сталинизма.

Переходя к критической части отзыва, отметим, что тезис, послуживший основанием для названия первой главы диссертации и заключающийся в отнесении практики лишения избирательных прав к дискриминационным мерам власти, вызывает у нас сомнение.

Во-первых, он противоречит логике Закона о реабилитации 1991 г., где в определение понятия политические репрессии (ст. 1) включено не только лишение гражданства, но и «...иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам...». Нам кажется совершенно очевидным, что лишение граждан каких-либо прав без решения суда является актом произвола и политической репрессией.

Хотя Конституция 1936 г. и предоставила избирательные права всему населению, в советских анкетах, заполняемых при приёме на работу, сохранялся пункт «лишались ли права голоса, когда и за что», так как до 01 января 1961 г. действовал п. «д» ст. 20 УК 1926 г., устанавливавший, что поражение политических и отдельных гражданских прав может применяться судами как мера социальной защиты по отношению к преступникам.

В самой диссертации лишение избирательного права относится к уголовному наказанию (С. 43, 45 и др.). Перечень дискриминационных мер, приводимых диссертанткой (С. 47, 55), также позволяет считать лишение репрессией. К тому же «...»лишенцы», однажды став социально-учетной группой, оказывались готовым и удобным объектом для дальнейших репрессий» (С. 59). В отдельных местах сам автор характеризует лишение прав как часть «ограничительно-дискриминационной и репрессивной политики советского государства...» (С. 198).

Сомнительна также опора на тезис о малом влиянии практики лишения на выборы (С. 45–46). Приведенная диссертанткой (со ссылкой на работу С.А. Красильникова) цифра лишенных избирательных прав (10 %, С. 45) как раз свидетельствует о том, чего фактически добились большевики – изъятия из избирательного процесса и формирующейся власти на местах слоя наиболее политически опасных, активных, грамотных и квалифицированных слоев населения.

В разделе введения «Источниковая база» не выделены как вид источники личного происхождения – мемуары, воспоминания письма. В то же время при описании состава дел, заведенных на лишенцев в избирательных комиссиях, совершенно явно такие источники присутствуют. Не использованы и литературные источники.

Нет полной ясности в описании технологии некоторых методов исследования. Например, выделено 55 категорий контент-анализа. Тут же присутствует 7 блоков, которые сходны по своему содержанию с категориями. Как кажется, категорий излишне много. Возникает вопрос, не путает ли автор категории с единицами анализа. Кроме того, утверждается, что единицей счета являются все заявления, относящиеся к одному лицу, а не отдельное заявление (С. 28).

Методы баз данных и контент-анализа описаны в разделе «источники», хотя более логично сделать это в разделе «методология».

Автором не идентифицирован вид применяемого контент-анализа. Сам метод контент-анализа имеет несколько разновидностей (структурный, символичный, тематический, модальный), использование которых намного расширяет его возможности. При использовании модального контент-анализа вполне можно узнать не что говорят, а как (эмоционально) говорят. Тем более что автор сделала упор (С. 160–161) на исследование определенных эмоциональных словосочетаний. Диссертантка использовала альтернативный метод дискурсивного анализа (Глава 3.2). В Приложении к диссертации хотелось бы видеть основные инструменты контент-анализа: классификатор и кодировальную таблицу.

При описании метода баз и банков данных не обосновывается репрезентативность представленной автором для последующего анализа выборки, которая всегда является необходимым фундаментом достоверности и верифицируемости выводов. О репрезентативности можно лишь догадываться, исходя из контекста диссертации (С. 26, 141). Не лишним была бы демонстрация унифицированной анкеты «Лишенец» в Приложении.

В разделе 3.3 (С. 185) автор проявляет неуверенность в определении абсолютной зависимости между восстановлением в избирательных правах и какими-либо факторами. В то же время такие факторы подробно исследуются далее. В конечном итоге становится вполне очевидным воздействие двух главных из них: наличие трудового стажа (5 лет по нормам) и «прилюдного» отказа от сана (С. 191).

Есть в тексте диссертации и стилистические, терминологические погрешности. Например, «одни» вместо «один из объектов...» (С. 12); «В статье Н.А. Давыдовой, основанном...» (С. 17); вместо «документами» – «документам» (С. 26); вместо масштабов – «масштабом» (С. 111) и т.п. Иногда применяется сомнительный термин, некритически заимствованный из работ по истории повседневности – «стратегии выживания», в то время как более логично говорить о тактике выживания (С. 13, 18, 19). В то же время автор совершенно правильно применяет терминологию в определении цели, задач работы и в названии главы 3 («тактики поведения»).

Данные замечания в большинстве своем носят рекомендательный характер для дальнейшей работы диссертантки над этой темой и не влияют на положительные оценки качества рукописи, которые сделаны нами выше. Работа Д.Н. Москаленской написана грамотным, профессиональным научным языком, текст автореферата полностью соответствует основному контексту диссертации.

Диссертация Д.Н. Москаленской «Православные священно- и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение», соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
 профессор кафедры гуманитарных
 и социально-экономических наук Нижнетагильского
 государственного социально-педагогического
 института (филиала) федерального
 государственного автономного образовательного
 учреждения высшего образования
 «Российский государственный
 профессионально-педагогический университет»,
 доктор исторических наук
 (07.00.02) – Отечественная история),
 профессор

Кириллов Виктор Михайлович

16 ноября 2017 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет»; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; (343) 338 44 47; mail@rsvpu.ru; http://www.rsvpu.ru

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал); 622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57; (3435) 25-48-00; office@ntspi.ru; http://www.ntspi.ru

